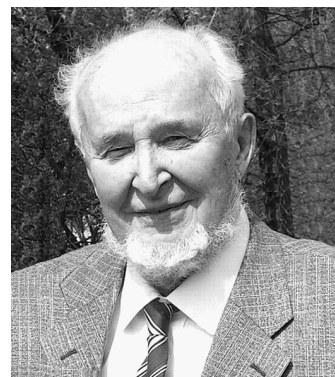

Эвакуация из Крыма, ноябрь 1920 г.

УДК 82-94

Челышев Е.П.

Исход на Юг

Челышев Евгений Петрович, доктор филологических наук, академик РАН, член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР / РАН (1988–2002), сопредседатель Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член бюро Индийского философского общества, действительный член Литературной академии Индии, член-корреспондент Португальской академии наук.

Статья посвящена исходу Русской армии П.Н. Врангеля из Крыма и представляет собой сравнительный анализ литературных источников – свидетельств современников и мемуаров очевидцев и участников крымской катастрофы.

Ключевые слова: Русская армия, Белое движение, Белый Крым, эвакуация из Крыма, барон П.Н. Врангель, русские эмигранты в Турции.

Последний оплот Белого движения, Крым, пал. Это событие определило судьбы его защитников и множества граждан России, нашедших в Крыму последний приют. Многие из них колебались, надеясь либо на помощь союзников, либо на неприступность оборонительных линий на Перекопе, либо на чудо. «Там слишком верили в армию, чтобы даже при тревожных вестях с фронта особенно беспокоиться за завтрашний день, там слепо верили в неприступность перекопских позиций»¹. Веру эту поддерживали заверения военных о неприступности укреплений на Крымском перешейке. Да и как не верить было этим заверениям, когда сам Слащев-Крымский в интервью, опубликованном в крымских газетах 24 октября, говорил: «Укрепления Сиваша и Перекопа настолько прочны, что у красного командования ни живой силы, ни технических средств для преодоления их не хватит»². А через пять дней, 29 октября 1920 г., Врангель отдал приказ об эвакуации, в котором, в частности, говорилось: «По моему приказанию уже приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма всех, кто разделял с армией ее крестный путь: семей военнослужащих, чинов гражданского ведомства, с их семьями, и отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага». В приложенном к приказу сообщении правительства

¹ Оболенский В. Крым при Врангеле: Мемуары белогвардейца. М., 1928. С. 68.

² Там же.

откровенно говорилось об огромных трудностях, которые ожидают всех тех, кто примет решение покинуть Крым. «...Совершенно неизвестна дальнейшая судьба отъезжающих, так как ни одна из иностранных держав не дала своего согласия на принятие эвакуированных. Правительство Юга России не имеет никаких средств для оказания какой-либо помощи как в пути, так и в дальнейшем. Все заставляет правительство советовать всем тем, кому не угрожает непосредственная опасность от насилия врага, – остаться в Крыму»¹.

Таким образом, многим россиянам в Крыму, оказавшимся на пути в неизвестность, пришлось решать свою судьбу в последний момент. Среди них начался процесс размежевания на тех, кто окончательно связал свою судьбу с Врангелем и при любых условиях решил покинуть Крым, и на тех, кто либо разочаровался в белой идее, либо не представлял в достаточной степени, что означает для них советская власть и ее обещания амнистии, как она в действительности будет относиться ко всем тем, кто был связан со старым режимом и в той или иной степени стремился его сохранить.

О красном терроре, о массовых расстрелах участников Белого движения, поверивших в указ об амнистии и оставшихся в Крыму, написано много и за рубежом и особенно в последние годы в России. Роман Гуль в свое время рассказал о зверствах чекистов в Крыму, о том, «как чекистка Землячка особенно прогремела в Крыму 1921 г., когда она приехала сюда в составе тройки – Бела Кун, Землячка, Фельдман». Накануне штурма Перекопа Фрунзе обратился по радио к Врангелю, заявив, что Красная Армия не стремится к мести и каждому, кто положит оружие, будет предоставлена возможность искупить свою вину перед народом честным трудом. Обманывал ли Фрунзе или Бела Кун, Землячка и Фельдман были наделены особыми полномочиями и свои действия не согласовывали с командованием Красной Армии? «Землячка повинна здесь в самом ужасающем терроре, превзошедшем все террористические расправы ЧК. Рассказывают, что именно ей принадлежит изобретение: сначала под страхом расстрела заставить всех военных регистрироваться, а потом по этим же спискам их всех расстреливать».

Максимилиану Волошину удалось передать с оказией в Берлин подробное и потрясающее описание крымского террора, со своими стихами на ту же тему, которые вышли за границей под заглавием «Стихи о терроре». Он оказался в Крыму в 1921 г., так сказать, в самом центре террора. В своем потрясающем письме Волошин описывал, как «в эти страшные ночи он молился и упрасивал Бела Куна о милосердии и как иногда садистический коммивояжер из какого-то самодурства разрешал Волошину выбирать из предназначенных к расстрелу «десятого», которого он пощадит». В Крыму было расстреляно (по разным сведениям) от 20 до 50 тысяч человек. «Оставшимся в затопленном кровью Крыму, Землячка, эта «старая девочка», – как ее называет Р. Гуль, – приняла пост недремлющего ока Москвы – секретаря Крымского областисполкома РКП»², продолжая творить там преступления.

Событием в русской литературе в изгнании явилась книга Ивана Сергеевича Шмелева «Солнце мертвых» (1923–1926), названная им самим эпопеей, по словам Глеба Струве, «документ о страшных днях Крыма после разгрома Белой армии – страшное свидетельство не только о медленном физическом умирании людей и животных, но и о нравственном ущемлении и духовном вырождении»³. На всем, куда не кинет взор писатель, «лежит печать смерти, разрушения, голода, несчастья». Шмелев описывает те места, где он поселился с женой в 1918 году, стремясь найти убежище от «революционного хаоса». Это был поселок Профессорский уголок, переименованный в годы советской власти в Рабочий уголок под Алуштой. Мне не раз приходилось посещать это место Крыма и любоваться красотой его природы. Но тогда там было все иначе: прекрасными эти места мог назвать лишь тот, кто видел их издали. «Хорош городок отсюда – в садах, в кипарисах, в виноградниках, в тополях высоких. Хорош обманчиво. Подойдешь ближе и увидишь... Это же солнце смеется. Только солнце! Оно и в мертвых глазах смеется. Не благостная тишина эта. Это мертвая тишина погоста. Понять не могу, кому и зачем понадобилось все обратить в пустыню, залить кровью... По воле людей, которые открыли тайну: сделать человечество счастливым. Для этого надо начать с человеческих боен»⁴. Кто же стал жертвами этих боен? Русские люди, защитники отечества. «Недавно бились они открыто. Родину защищали. Родину и Европу. Защищали на полях прусских и австрийских, в степях российских. Теперь замученные попали они в подвалы. Их засадили крепко, морили, чтобы отнять силы. Из подвалов их брали и убивали... Куда ни взгляни – никуда не уйдешь от крови. Она повсюду. Ни она ли выбирается из земли, играет по виноградникам? Скоро закрасит все в умирающих по холмам лесах... И новый хозяин в крови поплавал, – а теперь, с праздничного похмелья угрюмо сидит у моря, глядит на камни»⁵. С горечью и ненавистью восклицает И. Шмелев в конце этой «страшной книги», как назвал «Солнце мертвых» А. Амфитеатров: «Новые творцы жизни, откуда вы? С легкостью безоглядной расточили собранное народом русским. Рвете самую память Руси, стираете имена – лики... Эх, Россия! Соблазнили тебя – какими чарами? Спойли каким вином?»⁶. Чудом уцелел сам И. Шмелев, но трагической участи не избежал его сын Сергей, офицер, который был взят из госпиталя в Феодосии и расстрелян в конце 1920 г. Но о личной трагедии в книге нет ни слова – она тонет, растворяется во всенародном горе.

О том, что произошло с оставшимися в Крыму, сдавшимися на милость победителей, об их трагической судьбе расскажут лишь немногие свидетели, случайно уцелевшие от расправы участники Белого движения. О судьбе же абсолютного большинства уничтоженных в Крыму россиян мы никогда ничего не узнаем.

* * *

Многие работы советских авторов, тенденциозно освещавшие эту тему, не могли не вызывать недоверия, желания проверить факты, сопоставить их с тем, что писали по этому поводу авторы зарубежные. «Каждый год в советских издательствах выходят “исторические труды”, обливающие грязью уже давно побежденного противника,

¹ Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. М., 1992. Ч. 2. С. 421, 422.

² Гуль Р. Землячка. Сходящие со сцены // Русский рубеж. 1991. № 6. С. 12. Перепечатка из журнала «Иллюстрированная Россия». 1935. № 29. С. 39.

³ Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Париж, 1984. С. 95.

⁴ Шмелев И. Солнце мертвых: Эпопея. Париж, 1926. С. 11, 12, 25.

⁵ Там же. С. 12, 26, 75.

⁶ Там же. С. 69.

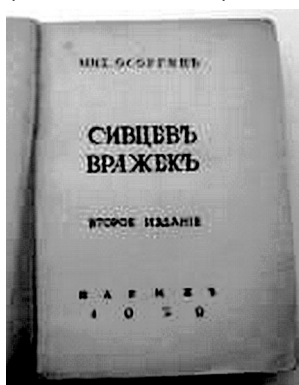
Евгений Николаевич Чириков (1864–1932)

Обложка первого издания «Зверь из бездны» Е.Н. Чирикова

Михаил Андреевич Осоргин (1878–1942)

Титульный лист второго издания «Сивцева Вражка» М.А. Осоргина (1930)

Алексей Александрович фон Лампе (1885–1967), генерал-майор, участник Белого движения

Владимир Андреевич Оболенский (1869–1950), кадет, депутат I Государственной Думы от Таврической губернии

повторяющие все ту же ложь о Белом движении, навязывающие фиктивные образы давно скончавшихся белых вождей», – писал, например, Н. Росс¹. К такого рода замечаниям, как известно, у нас не прислушивались, они рассматривались как «злая клевета буржуазных советологов». Однако лишь очень немногим авторам из русской эмиграции, я не говорю уж о советских, в изображении гражданской войны удалось представить ее как всенародную трагедию, как братоубийственную бойню. Одной из первых прочитанных мною такого рода книг была «Зверь из бездны или Поэма страшных лет» Евгения Николаевича Чирикова – свидетеля и участника крымской трагедии, написанная в 1923 г., впервые изданная в Праге на русском языке в 1926 г. В отличие от многих произведений писателей-эмигрантов Чириков не пытается встать на защиту белых и однозначно осудить красных. Он выступает с общечеловеческих, гуманистических позиций, на стороне русского человека, попавшего в страшную беду. Моральное разложение в одинаковой степени поражало, по его мнению, и красных, и белых. Герои романа, люди с благородными порывами, возвышенными чувствами и патриотическими идеалами, оказываются в самом центре крымской трагедии. И следа не остается от их утонченных вкусов, гуманистических идеалов самоотречения в борьбе за великую Россию. Все это осквернил и уничтожил затеявший «кровавый пир зверь из бездны», «опоганил все человеческие святыни... Поругана сама любовь, сорваны кощунственной рукой разнузданных страстей все ее прекрасные одежды из перлов поэзии и религии»². Вместо всего того оставалась «только одна кровавая ненасытная ненависть»³. И красные, и белые в равной степени виноваты в надругательстве над ценностями человеческой жизни. «Красные построили свою силу на ненависти и мести. Белые начали строить на любви к человеку и родине, но пламя ненависти и мести перекинулось от красных к белым, заглушило идею любви, и «зверь из бездны» объял своим смрадом всю землю русскую... Страх пополз по всему Крыму, кто называл разбойников и насильников красными, кто белыми, кто зелеными... Каждый считал себя судьей, имевшим право казнить и миловать»⁴.

Однако с такой нравственной позицией Е. Чирикова – и М. Осоргина⁵ – не соглашались все те, кто оценивал события гражданской войны и революции с точки зрения одной стороны, сражаясь в стане белых или красных, безоговорочно поддерживая одних или других. Именно поэтому, по словам Е. Чирикова, его роман вызвал бурные нападки на него и слева и справа. «Моя муза оказалась между двумя огнями: белыми и красными, и оба жгутся. Искренность и правда в этот исторический момент гонима обеими сторонами»⁶. Видимо,

исходя из этих же соображений, Глеб Струве считал, что М. Осоргин «усиленно проповедовал аполитичность»⁷.

Основная же масса эмигрантской художественной и мемуарной литературы о революции и гражданской войне, созданная по свежим следам событий, представляет белых в ореоле самоотверженных борцов и мучеников за святое, правое дело. «В этой войне, в войне гражданской тысячами погибали люди за освобождение их Родины от ужасов чуждого им Интернационала, в этой войне лилась кровь, и умирали люди, которые не искали для себя ничего и стремились лишь помочь России», – так, например, представлял гражданскую войну А.А. фон Лампе⁸. Слишком еще свежа была память о прошлом, об унижениях и оскорблениях, которые пришлось перетерпеть, о

¹ Росс Н. Предисловие // Ларионов В. Последние юнкера. Посев. Париж, 1984. С. 5.

² Чириков Е. Зверь из бездны: Поэма страшных лет. Прага, 1926. С. 161–162.

³ Там же. С. 23.

⁴ Там же. С. 7, 10.

⁵ Осоргин М. Сивцев Вражек. М., 1990. С. 268.

⁶ Писатели русского зарубежья: Справочник. М., 1995. Ч. III. С. 112.

⁷ Струве Г. Указ. соч. С. 212.

⁸ Лампе фон А.А. Пути верных. Париж, 1960. С. 23.

разрушении России и ее святынь. В первые годы советской власти, с целью разоблачения классовых врагов в Советском Союзе публиковались мемуары некоторых участников Белого движения, которые, как правило, сопровождались соответствующими предисловиями и комментариями. Так, например, книге «Крым при Врангеле. Мемуары белогвардейца», изданной в Москве в 1928 г., принадлежащей перу В. Оболенского, занимавшего пост заместителя постоянного председателя Губернской земской управы в Крыму, было предпослано предисловие, в котором автора характеризуют как «классового врага», «недалекого русского барина», от которого «немыслимо требовать... понимания разворачивающихся событий и каких-либо симпатий к поднимающемуся классу»¹.

Чтобы показать, как далеко не просто разобраться в крымской трагедии, как неоднозначно оцениваются события и личности, с нею связанные, остановлюсь несколько подробнее на изданных в Советском Союзе мемуарах видного деятеля Белого движения генерала-лейтенанта Якова Александровича Слащёва, в котором, по словам А.Г. Кавтарадзе, «воплотились лучшие качества русского генерала: храбрость, мужество, благородство, честь, порядочность, любовь к солдатам, любовь к России и стремление отстоять ее величие!»². В Белом движении участвовало немало ярких, незаурядных личностей, но все они до конца оставались по ту сторону баррикад, у них были свои, в корне отличавшиеся от слащёвских, представления о «лучших качествах русского генерала». Поэтому в советской литературе они могли быть представлены тишь как изверги и злодеи, заклятые враги советской власти.

Успешно командовавший корпусом Русской армии в Крыму Слащёв зачастую вступал в конфронтацию с ее главнокомандующим генералом Врангелем, в августе 1920 г. удовлетворившем его рапорт об отставке. После эвакуации из Крыма в Константинополе Слащёв выступил с резкой публичной критикой Врангеля и его окружения, обвинив их в бездарном руководстве силами белых и в провале крымской операции. По приказу Врангеля Слащёв был отдан под суд за поступок, «не достойный русского человека и тем более генерала», уволен со службы «без права ношения мундира»³. Для амбициозного и самолюбивого генерала, прославившегося своими действиями в Крыму, это было тяжелейшим ударом. С целью реабилитации и восстановления офицерской чести в январе 1921 г. в Константинополе он опубликовал книгу «Требую суда общества и гласности». Неизвестно, как бы дальше развивался конфликт между Врангелем и Слащёвым, можно предполагать, что не в пользу последнего. Поэтому декрет об амнистии от 3 ноября 1921 г. (не везде удалось уточнить, какие даты в упоминающихся в статье источниках приводятся по старому, а какие по новому стилю) явился для Слащёва «спасительной соломинкой», единственным выходом из создавшегося положения. Вызывают поэтому сомнения попытки объяснить мотивы возвращения из эмиграции Слащёва не только его разочарованием в Белом движении, но и «прозрением», «угрызениями совести» «генерала-вешателя».

Слащёв, что называется, «хлопнул дверью», покинул Константинополь и 21 ноября 1921 г. прибыл в Севастополь, откуда на поезде Ф. Дзержинского выехал в Москву, где был сначала назначен на должность преподавателя тактики (а с 1924 г. – главного руководителя) Высшей тактически-стрелковой школы командного состава (школы «Выстрел»⁴). Вряд ли можно считать случайным совпадением по времени повышение по службе Слащёва и публикацию его книги «Крым в 1920 г. Отрывки из воспоминаний» (М.; Л., 1924).

В мемуарах Слащёва только один положительный герой – он сам. Все же остальные его соратники по борьбе с большевиками, как правило, наделяются различными отрицательными качествами. «Я не верил в лиц, стоявших во главе белых», – писал он⁵. Не может не возникнуть вопрос: как мог генерал Слащёв так быстро и неожиданно прозреть? Ведь он участвовал в формировании Добровольческой армии, командовал в ней дивизией, корпусом, умело руководил обороной перешейков, ведущих в Крым, за что был удостоен почетного титула «Крымский». Как мог он с таким высокомерием и пренебрежением отзывать о своих соратниках, с кем вместе проливал кровь в борьбе против красных? Наверное, прав был генерал Деникин, когда, говоря о заслугах Слащёва, вместе с тем отмечал: «Это был еще совсем молодой генерал, человек позы, неглубокий, с большим честолюбием и густым налетом авантюризма»⁶. Приведу лишь несколько характеристик, которые Слащёв щедро раздает своим товарищам по оружию. Начальника штаба верховного главнокомандующего генерала П.С. Махрова он обвиняет в «нравственной неопрятности»; помощника верховного главнокомандующего генерала П.Н. Шатилова считает «крайне легкомысленным в военных вопросах»; генерала-квартирмейстера Г.И. Коновалова обвиняет в «пораженческих настроениях»; генерал В.К. Витковский, принявший корпус после отставки Слащёва, по его словам, «так же мало смыслит в военном деле, как и генерал А.П. Кутепов. Я их называл хорошими фельдфебелями». О генерале Кутепове, одном из ближайших сподвижников генералов Л.Г. Корнилова и П.Н. Врангеля, Слащёв беспартийно заявляет, что он «мог недурно командовать ротой, но

Яков Александрович Слащёв-Крымский (в старой орфографии Слащов, 1885–1929)

барон Петр Николаевич Врангель (1878–1928), генерал-лейтенант Генерального штаба, Главнокомандующий Русской армии

¹ Оболенский В. Крым при Врангеле: Мемуары белогвардейца. М., 1928. С. 3.

² Слащёв-Крымский Я.А. Белый Крым. 1920. Мемуары и документы. Предисловие А.Г. Кавтарадзе. М., 1990. С. 24.

³ Там же. С. 18.

⁴ Замечу попутно, что школа «Выстрел» в то время размещалась в Москве в Лефортове по адресу: Красноказарменная улица, д. 3, – как раз в тех самых двухэтажных, сложенных из красного кирпича зданиях, где с 1944 г. размещался Военный институт иностранных языков Красной Армии, который я окончил в 1949 г., ровно через двадцать лет после того, как там был убит генерал Слащёв

⁵ Слащёв-Крымский Я.А. Указ. соч. С. 109.

⁶ Деникин А.И. Поход на Москву. М., 1928. С. 259.

не более»; другого ближайшего соратника генералов Корнилова и Врангеля, генерала А.П. Богаевского, Слащёв считает «человеком очень симпатичным, но малознающим, без всякого знания строя и без всякой воли». В таком же духе Слащёв отзывается о многих других руководителях Русской армии.

Особенно достается в мемуарах Слащёва ее главнокомандующему генералу Врангелю, которого он обвиняет в «тщеславии, себялюбии, жажде власти, беспринципности», в «полном неумении управлять частями на широком фронте». Ни в коей мере не пытаясь идеализировать генерала Врангеля и защищать его от критики Слащёва, скажу лишь, что, несмотря на все промахи Врангеля как военачальника ведь именно под его командованием наступавшая на правом фланге армий Деникина Кавказская армия в июне 1919 г. заняла Царицын. По мнению же Слащёва, «в роли главнокома Врангель оставался с понятиями эскадронного командира, не желающего лично вести в бой свои части»¹. Слащёв как бы пытается подвести читателей своих мемуаров к мысли о том, что будь он на месте Врангеля, еще неизвестно, чем бы завершилась оборона Белого Крыма.

При всей сложности и противоречивости Белого движения, при всем стремлении его участников выгородить себя и обвинить кого-то другого в военных неудачах, нельзя представить Врангеля и его ближайших соратников как корыстных, бездарных военачальников. Каждый из них в меру своих сил, возможностей и способностей боролся за сохранение «единой, неделимой России», выполняя свой долг. Огульное же поношение Врангеля и его окружения, пронизывающее мемуары Слащёва, можно объяснить лишь личной обидой до глубины души оскорбленного разжалованного генерала, считавшего себя военным гением и, наверное, еще желанием выслужиться перед новым начальством. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствует финал его книги, в котором, не ограничиваясь поношением своих товарищей по оружию, Слащёв выступает уже не как военный, а как политический деятель, обличающий всю российскую эмиграцию, стремящуюся, по его словам, «при помощи иностранцев навязать свою волю первому пролетарскому государству... Если наши эмигранты открыто станут на классовую точку зрения и прямо заявят: «Мы буржуа и желаем эксплуатировать других, вернуть себе все наши потери и убытки и припеваючи жить на чужой счет», – тогда все ясно: они наши враги. Но пусть же они не опираются на лозунг «За Отечество!»: в глазах пролетариата, стоящего на классовой точке зрения, они предатели рабочего класса и наемники капитала, в глазах же малосознательных, но честных людей, вдохновляющихся до сих пор отжившим свой век лозунгом «За Отечество!», они, нанятые иностранцами, предатели этого Отечества»². Так писал Слащёв, «честный и порядочный» генерал, присягнувший на верность России, о двух миллионах своих соотечественников, выброшенных за пределы России, большинство из которых влачили за рубежом жалкое существование. Видимо, не без соответствующих советов и наставлений Слащёв задался целью развенчать то дело, которому много лет преданно служил.

Василий Витальевич Шульгин (1878–1976), политический и общественный деятель, публицист, один из организаторов и идеологов Белого движения

Но было немало суждений и оценок, противоположных слащёвским. Приведу лишь некоторые противоположные оценки личности и деятельности генерала Врангеля, взятые из мемуаров других участников Белого движения. Обращусь сначала к В.В. Шульгину, воспоминания которого стали для меня первым предостережением от одностороннего взгляда на гражданскую войну.

Встреча Шульгина с Врангелем состоялась в конце июля 1920 г. в Севастополе. «Я не видел генерала Врангеля около года. Тогда (это было в Царицыне) он нервничал, – пишет Шульгин. – Меня поразила перемена в его лице. Он помолодел, расцвел. Казалось бы, что тяжесть, свалившаяся на него теперь, несравнима с той, которую он нес там, в Царицыне. Но нет, именно сейчас в нем чувствовалась не нервничающая энергия, а спокойная напряжение очень сильного, постоянного тока... Эта непрерывно вибрирующая воля, вера в свое дело и легкость, с какой он нес на себе тяжесть власти, власти, которая не придавливала его, а, наоборот, окрыляла, – они-то и сделали это дело удержания Тавриды, дело граничащее с чудесным...»³. Для ставшего впоследствии известным исследователем гражданской войны в России генерала А.А. фон Лампе Врангель – «блестящий кавалерийский начальник, первый кавалер ордена Святого Великомученика Победоносца Георгия в самом начале мировой войны, один из победоносных вождей белых в период командования Южными армиями генерала Деникина, кумир офицеров, солдат и казаков – он ясно представлял себе положение, в которое он попал [имеется в виду принятие на себя командования Русской армией в Крыму – *Е.Ч.*]. Он говорил: «Я делил с армией славу побед и не могу отказаться испить с нею чашу унижения “... Если он не смог достичь победы, то он спас честь страны и не сдался на милость красного врага”»⁴. Другой, штатский соратник Врангеля В. Оболенский писал о нем как «об известном своей решительностью и безусловной честностью (свойство весьма редкое в период гражданской войны). Во всем: в манере говорить, в нервных, повелительных жестах, во взгляде, в голосе – чувствовался сильный и волевой, решительный человек, созданный быть вождем»⁵. После встречи и беседы с Врангелем Оболенский замечает: «Наконец во главе армии и у кормила южнорусской власти стал нужный для этого человек». И далее: «Я глубоко убежден и сейчас, что если бы земельный закон, хотя бы в том виде, в каком он был издан генералом Врангелем 25 мая 1920 г., был бы издан генералом Деникиным 25 мая 1918 г. – результаты гражданской войны были бы совсем другие». В то же время Оболенский не выступает апологетом генерала Врангеля, считая, что он был не в состоянии достаточно эффективно бороться с «гипертрофией тыла», с раздутым бюрократическим аппаратом, с «черносотенными демагогами», заполонившими крымскую прессу и т.п.,

на, кумир офицеров, солдат и казаков – он ясно представлял себе положение, в которое он попал [имеется в виду принятие на себя командования Русской армией в Крыму – *Е.Ч.*]. Он говорил: «Я делил с армией славу побед и не могу отказаться испить с нею чашу унижения “... Если он не смог достичь победы, то он спас честь страны и не сдался на милость красного врага”»⁴. Другой, штатский соратник Врангеля В. Оболенский писал о нем как «об известном своей решительностью и безусловной честностью (свойство весьма редкое в период гражданской войны). Во всем: в манере говорить, в нервных, повелительных жестах, во взгляде, в голосе – чувствовался сильный и волевой, решительный человек, созданный быть вождем»⁵. После встречи и беседы с Врангелем Оболенский замечает: «Наконец во главе армии и у кормила южнорусской власти стал нужный для этого человек». И далее: «Я глубоко убежден и сейчас, что если бы земельный закон, хотя бы в том виде, в каком он был издан генералом Врангелем 25 мая 1920 г., был бы издан генералом Деникиным 25 мая 1918 г. – результаты гражданской войны были бы совсем другие». В то же время Оболенский не выступает апологетом генерала Врангеля, считая, что он был не в состоянии достаточно эффективно бороться с «гипертрофией тыла», с раздутым бюрократическим аппаратом, с «черносотенными демагогами», заполонившими крымскую прессу и т.п.,

¹ Слащёв-Крымский Я.А. Указ. соч. С. 86–135.

² Там же. С. 135.

³ Шульгин В.В. Дни. М., 1920. С. 462, 465.

⁴ Лампе фон А.А. Указ. соч. С. 23.

⁵ Оболенский В. Указ соч. С. 68.

словом, со всем тем, что ослабляло Белое движение и привело к его поражению¹.

* * *

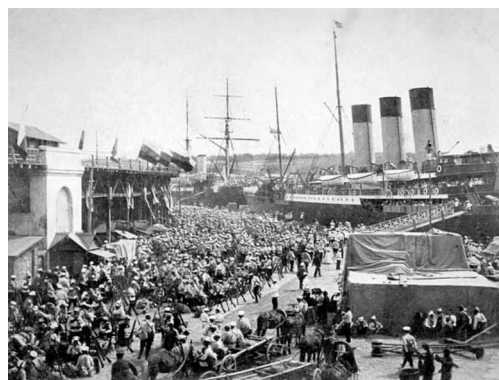
Об эвакуации из Крыма, о пути в неизвестность множества русских: и военных, и штатских написано много. Врангелю и его помощникам удалось провести ее организованно по заранее разработанному плану, поэтому то, что сообщает об этом событии Слащев в своих мемуарах, не соответствует истине. «Эвакуация протекала в кошмарной обстановке, беспорядка и паники, – пишет он. – Врангель первый показал пример этому, переехал из своего дома в гостиницу Кисть» у самой Графской пристани, чтобы иметь возможность быстро сесть на пароход, что он скоро и сделал, начав крейсировать по портам под видом поверки эвакуации. Поверки с судна, конечно, он никакой сделать не мог, но зато был в полной сохранности, к этому только он и стремился². Отрывок из мемуаров Слащева приводится здесь лишь для того, чтобы лишний раз подчеркнуть его необъективность и предвзятость, особенно если дело касалось генерала Врангеля. «Эвакуация армии и всех желающих из Крыма в ноябре 1920 г. была умело проведена штабом генерала Врангеля, и прежде всего, новым командующим Черноморским флотом адмиралом Кедровым»³, – отмечает известный исследователь Белого движения Николай Николаевич Рутыч, оказавшийся в Париже после Второй мировой войны.

Даже Маяковский, для которого гражданская война была «войной против белого чудовища клякстоского», в изображении ее заключительного акта отходит от сатирического, обличительного стиля, подчеркивая трагичность момента, соблюдает чувство такта в описании поверженного противника:

...Хлопнув дверью,
сухой, как рапорт,
из штаба
опустевшего
вышел он.
Глядя
на ноги,
шагом
резким,
шел
Врангель
в черной черкеске...
...И над белым тленом,
как от пули падающий,
на оба колена
упал главнокомандующий.
Трижды
землю
поцеловавши,
трижды
город
перекрестил.
Под пули
в лодку прыгнул...
– Ваше
превосходительство,
грести?
– Грести!..

Эвакуация населения Севастополя. 1920 г.

Посадка нижних чинов на пароход «Херсон», ноябрь 1920 г.

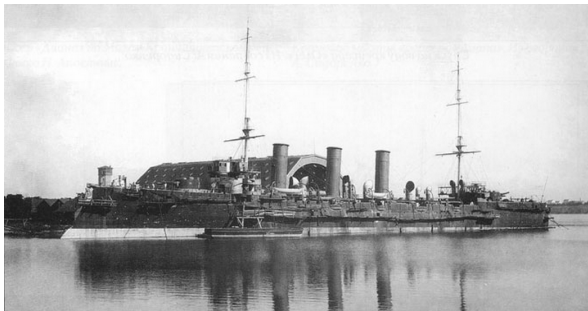
П.Н. Врангель на мольбне. Осень 1920 г.

П.Н. Врангель возле Графской пристани при эвакуации из Севастополя. 1920 г.

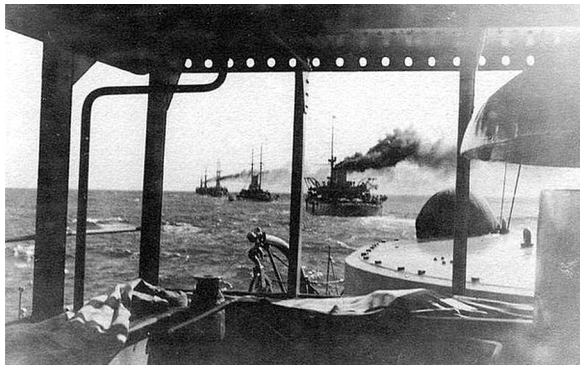
¹ Там же. С. 8, 12, 20.

² Слащев-Крымский Я.А. Указ. соч. С.131

³ Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. (Материалы к истории Белого движения) // Российский архив. М.. 1997. С. 72.

Бронепалубный крейсер 1-го ранга «Генерал Корнилов», бывший «Очаков»

Кильватерная колонна кораблей Русской армии генерала Врангеля взяла курс на Константинополь

Даватц Владимир Христианович (1883–1944), профессор математики, публицист, активный участник Белого движения

Николай Николаевич Львов (1867–1944), политический и государственный деятель, активный участник Белого движения

Лишь в названии крейсера, на котором генерал Врангель эвакуировался из Крыма, Маяковский отходит от исторической правды. Ненавистное ему новое название «Корнилов» он изменяет на старое – «Алмаз». Но ведь первоначально этот крейсер назывался «Очаков», командование которым в годы первой русской революции принял лейтенант Петр Петрович Шмидт. Знал ли об этом Маяковский? Наверное, нет, иначе бы он как-то обыграл в своей поэме это роковое совпадение...

Не издевательства и проклятья в адрес бегущих из России белогвардейцев, для Маяковского заклятых врагов советской власти, а ноты сочувствия к русским людям, покидавшим родину и отправлявшимся на чужбину, звучат в поэме «Хорошо!»:

От родины
в лапы турецкой полиции,
к туркам в дыру,
в Дарданеллы узкие,
плыли
завтрашние галлиполийцы,
плыли
вчерашние русские.
Впе-
реди
година на године,
Каждого
трясись,
который в каске.
Будешь
дойть
коров в Аргентине,
будешь
мереть
по ямам африканским...

Читал ли Слещёв поэму «Хорошо!»? И если да, то не пробудила ли она у него чувство совести?..

Последний акт крымской трагедии в воспоминаниях многих его участников выглядит совсем по-иному, чем его изображает Слещёв. «Но ни слез, ни сцен отчаяния не было видно. Общее настроение было сосредоточенное и серьезное, – писали В.Х. Даватц и Н.Н. Львов. – Главнокомандующий появлялся на улицах среди толпы, и его бодрый, как всегда, вид, его уверенные и спокойные слова, внушали всем такую же бодрость»¹. «Здесь особенно ярко выявилась фигура генерала Врангеля. Теперь предстояло тягчайшее испытание уже не на поле битвы: предстояло вывести армию и людей, обреченных на гибель... Народная молва приписывала ему ряд поступков, которые – были они в самом деле или нет – окружали его ореолом бесстрашия, твердости и благородства... все жили сознанием, что генерал Врангель стоит во главе этой отплывающей России... с ним вместе сама неизвестность не была уж такой страшной»². «14 ноября около 2 часов к Графской пристани подошел генерал Врангель, поблагодарил за службу караул, снял корниловскую фуражку, перекрестился, низко поклонился родной земле и на катере отправился на крейсер “Корнилов”»³. В отличие от Слещёва, В.Х. Даватц и Н.Н. Львов утверждают, что «когда генерал Врангель, оставшись последним, сел на катер и отплыл от пристани, среди собравшейся толпы раздались крики “ура”»⁴. И далее: «Генерал Вран-

¹ Даватц В.Х., Львов Н.Н. Русская армия на чужбине (1920–1923). Нью-Йорк, 1985. С. 12.

² Русские в Галлиполи. 1920–1921: Сборник статей, посвященный пребыванию 1-го Армейского корпуса Русской армии в Галлиполи. Берлин, 1923. С. 154.

³ Там же. С. 15.

⁴ Даватц В.Х., Львов Н.Н. Русская армия на чужбине... С. 12.

гель на «Корнилове» проехал мимо судов, пожелал счастливого пути... Толпы на пароходе стояли с обнаженными головами, со слезами на глазах... Под стройный напев «Спаси, Господи, люди твоя»... пароходы вышли в море, переполненные до крайности»¹.

Врангель предвидел возможность оставления Крыма и поэтому еще заблаговременно начал готовиться к эвакуации, которая проходила поэтапно. Из городов Крыма партиями отправлялись в Константинополь, на Принцевы острова, в Болгарию раненые и больные офицеры, чиновники и члены их семей, велись переговоры с принимающими их странами. Но даже при всем этом неожиданное падение Перекопа и прорыв красных в Крым создали много трудностей. Не все, конечно, во время эвакуации проходило так гладко и организовано, как пишут Даватц и Львов, ближайшие соратники Врангеля.

Однако в Крыму все же удалось избежать той паники и неразберихи, которыми сопровождалась эвакуация Добровольческой армии из Одессы и Новороссийска, где «шла борьба за «место на пароходе» – борьба за спасение... Много звериного чувства вылилось наружу перед лицом нависшей опасности, когда обнаженные страсти заглушали совесть и человек человеку становился лютым врагом»², – писал генерал Деникин об эвакуации Новороссийска. «Незабываемые отвратительные сцены, происходившие при эвакуации Одессы и Новороссийска, когда люди давили друг друга, выбрасывали за борт, бросаясь спасаться на корабли, не повторились в Севастополе». Там, по словам Даватца и Львова, «люди делали свое дело спокойно, не торопясь, уверенные в том, что так нужно, не охваченные страхом... А между тем это была глубокая драма. Наступил конец трех лет напряженной борьбы, усилий и страданий, самоотверженных подвигов, поражений и новых побед. Оставлялся последний клочок русской земли. Люди отплывали от берега Севастополя и направлялись в новый путь к неизвестному будущему. Одни оставляли в Крыму своих близких, друзей, другие – родных – все покидали родную землю и направлялись на чужбину...

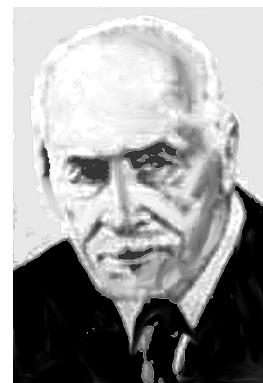
Непроницаемая завеса спускалась между берегом русской земли и уходящими кораблями. Что будет с теми, кто остался, и что ожидает тех, кто отплывал к другим берегам?»³.

* * *

Самый трагический момент – расставание с Родиной. С невеселыми думами, со страхом перед неопределенным будущим, покидали наши соотечественники Россию. «Спасены! Ну хорошо, а что же будет дальше? – восклицает профессор Н.В. Краинский. – Скоро скроется за горизонтом берег родной земли. Там все поругано, осквернено, и хаос разрушения царит над всей землей. – Когда пароход поравнялся с молотом, в рупор донесся прощальный русский голос: «Курс на Константинополь!» С этого момента тысяча людей, переполнившие трюм и палубы парохода, начали ту свою новую полуберложную, трюмную жизнь, которую им было суждено влачить долгие годы, скитаясь по чужим морям и землям в полной неизвестности будущего»⁴. В январе 1920 г. эмигрировал из Одессы в Константинополь известный русский писатель Дон Аминадо (Аминад Петрович Шполянский). Расставание с родиной он опишет затем в рассказе «Поезд на третьем пути» (Нью-Йорк, 1954). «Все молчали. И те, кто оставался внизу, на шумной суетливой набережной. И те, кто стоял наверху, на обгоревшей паровой палубе. Каждый думал про свое, а горький смысл был один для всех: «Здесь обрывается Россия над морем Черным и глухим»»⁵.

Мучительно переживая расставание с родиной, каждый, как писал Дон Аминадо, «думал про свое», вспоминал о родном очаге, о родных и близких людях, оставшихся в России. Родина для Николая Николаевича Туроверова, подьесаула лейб-гвардии Атаманского полка ассоциировалась с «Доном-батюшкой», с раздольем донских степей, с родной станицей Старочеркасской. Невыносимо тяжело было расставаться с родными краями, а больше всего с боевым конем, самым дорогим и верным другом казака. С ним ассоциируется у «Бояна казачества», как называли поэта Туроверова в эмигрантских кругах, все самое близкое и любимое, что оставил он в России. Вместе с остатками разбитого в боях под Перекопом Атаманского полка в конном строю Качинской долиной отступал Николай Туроверов к Севастополю. Ему был тогда двадцать один год. В поэме «Перекоп» он вспоминает этот «последний переход».

О милом крае, о родимом
Звенела песня казака.
И гнал и рвал над белым Крымом
Морозный ветер облака.
Спешу, мой конь, долиной Качи,

Николай Васильевич Краинский (1869–1951), психиатр, с 1920 по 1947 гг. – в эмиграции

Дон-Аминадо (Аминад, по др. источникам Аминодав Петрович Шполянский, 1888–1957), поэт-сатирик, журналист, адвокат

Николай Николаевич Туроверов (1899–1972), казачий поэт «первой волны» эмиграции

¹ Русские в Галлиполи. С. 16.

² Деникин А.И. Белое движение. Начало и конец. Поход на Москву. М., 1990. С. 334.

³ Даватц В.Х., Львов Н.Н. Русская армия на чужбине. С. 11–12.

⁴ Без будущего: Очерки по психологии революции и эмиграции проф. Краинского Н.В. Белград, 1931. С. 12.

⁵ Дон Аминадо // Писатели русского зарубежья (1918–1940): Справочник. М., 1993. Ч. I С. 184.

Транспорт «Саратов» доставляет больных в Галлиполи

П.Н. Врангель обращается к войскам по приезде в Константинополь

Свершай последний переход.
Нет, не один из нас заплачет,
Грузясь на ждущий пароход,
Когда с прощальным поцелуем
Освободим ремни подпруг
И злым предчувствием волнуем
Заржет печально верный друг.

Трагедия расставания с родиной достигает апогея, когда с борта парохода казак стреляет в плывущего за ним коня, преданного друга, верного товарища в бою, в самое дорогое, что есть у него на свете. А может быть, образ верного друга, брошенного коня, застреленного самим хозяином и его денщиком, это сама Россия, преданная и оставленная ее защитниками на произвол судьбы.

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня;
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо –
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда¹.

этом путешествии он писал И.А. Бунину. «Что было перетерплено – не рассказать. Спали мы с детьми в сырмом трюме с тифозными и на нас ползали вши. Два месяца сидели на собачьем острове в Мраморном море»².

Чувства и настроения русского человека, выброшенного из России, потерявшего Родину, из гражданина Российской Империи сразу превратившегося в бесправного, беззащитного, никому не нужного беженца, никто, пожалуй, не выразил так эмоционально насыщенно, как это сделал Иван Алексеевич Бунин в рассказе «Конец». Он вырвался из объятий паникой Одессы, в которой кипели уличные бои. Ему удалось найти место на пароходе «Патрас», под французским флагом стоявшем у набережной в Карантинной гавани.

«Темнело, орудийная, а за нею и ружейная стрельба смолкла, и в этой тишине и уже спокойно надвигающихся сумерках чувствовалось: всему конец. Чувствовалось, что дело сделано, что город сдался, покорился, что теперь он уже вполне беззащитен от ввалившихся в него победителей, несущих с собой смерть и ужас, грабёж, надругательство, убийство, голод и лютое рабство для всех поголовно, кроме самой подлой черни... Потом шумно заklubилась вода из-под кормы, мы круто обогнули мол с мертвым, темным маяком, выровнялись и пошли полным ходом... Конец, прощай Россия, сказал я себе твердо.

На что могли надеяться все те, что сбились на «Патрасе», в том совершенно ж. точно, что ожидало их где-то в Стамбуле, на Кипре, на Балканах. И однако каждый из них на что-то надеялся, чем-то еще жил, чему-то еще радовался и совсем не думал о том страшном морском пути в эту страшную зимнюю ночь, одной мысли о которой было бы достаточно для полного ужаса и отчаяния... Вдруг я совсем очнулся, вдруг меня озарило необыкновенно ярким сознанием: да, так вот оно что – я в Черном море, я на чужом пароходе, я за чем-то плыву в Константинополь. России – конец, да и всему, всей моей жизни тоже конец, даже если и случится чудо и мы не погибнем в этой злой и ледяной пучине. Только как же это я не понимал, не понял этого раньше, а лишь где-то в глубине души – через силу нес какую-то несказанно тяжкую тоску? И от изумления перед своей прежней слепотой я даже вскочил и сел на койке: конец, конец»³.

* * *

Беженцы из России хлынули в Константинополь несколькими потоками. Первый, в середине 1919 г., предшествовавший краху Белого движения, состоял из более или менее состоятельных людей, которым удалось взять с собой необходимое имущество. Затем поток беженцев устремился в Константинополь из Новороссийска и Одессы после разгрома армии генерала Деникина. Он состоял из людей, вынужденных спешно эвакуироваться без личных вещей, нуждавшихся в крове, пище. И затем – третий, самый многочисленный поток хлынул в Константинополь осенью 1920 г. из Крыма после разгрома Русской армии генерала Врангеля. С 31 октября по 3 ноября (по старому стилю) в Босфор прибыло 126 судов с 136 тысячами человек на борту. С помощью союзных властей оставшиеся без средств существования беженцы были расселены на четырех Принцевых островах, с предоставлением им

¹ Туроверов Н. Стихи. М., 1995. С. 20, 21, 67.

² Толстой А. // Писатели русского зарубежья (1918–1940): Справочник. Ч. 3. С. 19.

³ Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1966. Т. 5. С. 59–67.

крова, пищи и медицинской помощи. Первым пунктом, куда устремились в Константинополе беженцы, было посольство России в Турции, русская дипломатическая миссия, начальником которой был А.А. Паратов. Она «выполняла нелегкую работу по правовой легализации эмигрантов, т.е. выдавала паспорта... В посольстве, в консульстве, в русском и американском «Красных Крестах», в Земском союзе стоял «ад крошечный» – сплошное месиво человеческих тел, многоголосый стон нужды и отчаяния»¹.

«Многовековая история перевернута вверх дном, – отмечают В.Х. Даватц и Н.Н. Львов. – Это те русские, которые с давних времен являлись угрозой с севера для Османской империи, надеждой всех поработанных христианских и родов Востока»². Теперь же они очутились там на положении изгоев, людей второго сорта. Особенно тяжело жилось в чужом городе тем русским, кто остался без каких-либо средств к существованию, вынужден был эмигрировать без вещей, едва, как говорится, унес ноги. «Кем я только ни был: и прачкою, и клоуном, и ретушером, и фотографом, и мастером игрушек, и судомойкой при столовке, продавал пончики, работал грузчиком в порту, – пишет русский офицер. – Я крепко цепляюсь за все, за что только можно зацепиться, чтобы не погибнуть от голода в этом огромном чужом городе». «В столице Османской империи, занятой союзниками, положение русских было особенно тяжело. Они не имели никакого подданства. Русские официальные представители не признавались. Все зависело от личного усмотрения оккупационных властей... Мы испили чашу национального унижения до дна. Мы узнали, что значит жить на пайке, который все больше и больше урезывали, угрожая то и дело лишить всякого пропитания и выселить из помещения. Мы узнали, что значит быть в зависимости от заносчивого коменданта и грубого французского сержанта... На каждом шагу нам давали чувствовать, что русским не разрешено то, что разрешено французам и англичанам. Мы почувствовали, что с нами можно поступать, как нельзя это делать с другими. Мы почувствовали это, когда нас спускали с лестницы и разгоняли в толпе палками чернокожие, одетые во французскую военную форму, когда нас выталкивали за дверь, чтобы дать дорогу французскому офицеру. Мы поняли, что значит сделаться людьми без отечества... “в положении незваных гостей”»³.

Отношение Добровольческой и Русской армии с союзными державами – вопрос сложный и требует специального рассмотрения. Хорошо известно, что Англия и Франция оказывали значительную помощь войскам и Деникина, и Врангеля, исходя при этом, конечно, из своих военно-стратегических интересов. Франция помогала русским эмигрантам в Турции, которые фактически находились на ее иждивении. Англия же, заинтересованная в налаживании контактов с Советской Россией, прекратила всякую помощь Белому движению, что, конечно, вызвало самую отрицательную реакцию со стороны его руководителей.

Выражая точку зрения командования Русской армии, В.Х. Даватц и Н.Н. Львов писали, что когда белые армии одерживали победы, союзные державы оказывали им поддержку, надеясь с их помощью восстановить в России приемлемую для них законную власть. Но их отношение к своим союзникам в борьбе с большевиками в корне изменилось, когда Русская армия в Крыму потерпела поражение и вынуждена была вместе с беженцами искать приюта за рубежом России. «Англия подозрительно относилась к военному лагерю у самого входа в Дарданеллы. Франция всеми силами старалась выжить

Русские беженцы в Константинополе. 1920–1921

Русский лазарет в Константинополе. 1920–1921.

Дневной рацион в марте 1921 года

¹ Spassibo. Альманах «На Прощание». Стамбул, 1923. С. 6.

² Даватц В.Х., Львов Н.Н. Русская армия на чужбине. С. 14.

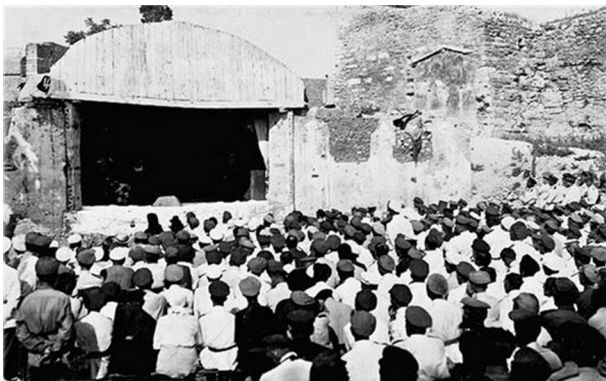
³ Там же. С. 21.

Парады Русской армии в Галлиполи поддерживали боевой дух и опровергали ложные представления о разложении войска

Знаменная палатка в дроздовском лагере в Галлиполи

Театр в Галлиполи

Дети Галлиполи

русских из Чатаджи и Галлиполи»¹. Лишь благодаря решительной, мужественной позиции, занятой генералом Врангелем, Русская армия в изгнании смогла сохранить свою честь и достоинство. «В протесте против мелкой, недальновидной и обидной политики бывших союзников она [армия – Е. Ч.] объединилась с ним еще сильнее и, чем обидней была эта недостойная политика, тем выше становится его образ»². Всеми силами сохранить армию – такова была главная задача Врангеля, который неоднократно отмечал, что сохранение Русской армии равносильно сохранению преемственности русской государственности. Весь смысл сохранения армии в том и заключается, что «пока была армия, у нас оставалась надежда, – то мы не обречены затеряться в международной толпе, униженные и оскорбленные в своем чувстве русских»³.

Несмотря на все различия в политической и военно-стратегической ситуации в России и Турции, на то, что эти страны принадлежали к враждовавшим во время Великой войны сторонам, русские беженцы, в том числе и военные, встретили со стороны турок в целом доброжелательное отношение. Турки, в отличие от французских властей, отмечают многие беженцы, «были хорошо расположены к русским... Русские не были победителями и не внушали к себе враждебности турок. Они были приравнены к ним и одинаково терпели от иноземной власти»⁴. В мемуарах наших соотечественников, вливших жалкое существование в Константинополе, часто можно встретить записи о доброжелательном отношении турок, об их стремлении помочь нуждавшимся русским беженцам, о том, что «турецкие женщины особенно старались помочь русским женщинам и детям, приносили недостающие в хозяйстве вещи»⁵.

«Боже мой!.. Теперь я только понял, что я давным-давно страстный, убежденный... туркофил, – воскликнул В.В. Шульгин, впервые попав в Константинополь. – Я думаю, что это несколько утрированное утверждение в значительной мере применимо ко всем русским, волей судьбы здесь очутившимся... этот город производит впечатление узаконенного, хронического, векового беспорядка. Поэтому, вероятно, когда русские, голодные и нищие, обрушились огромной массой на эту абракадабру, вместо естественной ненависти, которую всегда во всех странах и веках вызывают такие нашествия, – вдруг на удивление “всей Европе” к небу взмыл совершенно неожиданный возглас: “Харош урус, Харош...”»

– Точно нашли друг друга... Русские и турки сейчас словно переживают медовый месяц... Случаев удивительно доброго, сердечного отношения – не перечесть... Чем все это объясняется? Объяснений много. Во-первых, объяснение прозаическое: русские, несмотря на всю свою бедность, по обычаю предков не торгуются в магазинах и не останавливаются перед тем, чтобы из последних пятидесяти пиастров десять бросить на чай... Другое объяснение – «сытый голодного не разумеет». Значит – голодный разумеет голодного. Обе нации – русские и турки – почти одинаково несчастны. Обе почти лишены отечества»⁶.

¹ Там же. С. 22.

² Русские в Галлиполи. С. 159.

³ Там же. С. 156.

⁴ Даватц В.Х., Львов Н.Н. Русская армия на чужбине. С. 22.

⁵ Русские в Галлиполи. С. 43.

⁶ Шульгин В.В. Дни. 1920. М., 1989. С. 499–501.

«Мало сказать – Турция была гостеприимной. Она братски согрела потерявших отечество... Вспомните нас в 1919–1920 гг. – униженных, убитых горем, разоренных, обесславленных – и сравните с теми бодрыми и окрепшими людьми, которые уезжают в Америку, в Западную Европу, на Балканы для работы, для творчества, для борьбы за лучшую долю»¹. В этих словах благодарности, безусловно, есть известная доля преувеличения, что обычно бывает, когда гости благодарят хозяев за оказанное им гостеприимство. Но есть в них и большая доля истины, особенно когда гости, то есть беженцы из России, оказавшись одновременно у двух хозяев, как это произошло в Константинополе, у турок и французов, имели возможность сравнить отношение к себе и тех и других. Преувеличением, видимо, также следует считать и мысль о том, что русские в Константинополе находились как бы на «санаторном режиме», который благотворно отразился на их физическом и моральном состоянии. Если бы все это было так, то Константинополь стал бы для большинства из них постоянным местом жительства, а не «перевалочным пунктом», несмотря на доброе отношение турок.

Продолжение следует

ЛИТЕРАТУРА

1. Без будущего: Очерки по психологии революции и эмиграции проф. Краинского Н.В. Белград, 1931.
Bez budushchego: Ocherki po psikhologii revolyutsii i emigratsii prof. Krainskogo N.V. Belgrad, 1931.
2. Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1966. Т. 5.
Bunin I.A. (1966). Sobr. soch.: V 9 t. T. 5. Moskva.
3. Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. М., 1992. Ч. 2.
Vospominaniya generala barona P.N. Vrangelya. Ch. 2. Moskva. 1992.
4. Гуль Р. Землячка. Сходящие со сцены // Русский рубеж. 1991. № 6. Перепечатка из журнала «Иллюстрированная Россия». 1935. № 29.
Gul' R. (1991). Zemlyachka. Skhodyashchie so stseny. Russkii rubezh. 1991. N 6. Perepechatka iz zhurnala «Ilyustrirovannaya Rossiya». 1935. N 29.
5. Даватц В.Х., Львов Н.Н. Русская армия на чужбине (1920–1923). Нью-Йорк, 1985.
Davatts V.Kh., L'vov N.N. (1985). Russkaya armiya na chuzhbine (1920-1923). N'yu-Iork.
6. Деникин А.И. Белое движение. Начало и конец. Поход на Москву. М., 1990.
Denikin A.I. (1990). Beloe dvizhenie. Nachalo i konets. Pokhod na Moskvu. Moskva.
7. Деникин А.И. Поход на Москву. М., 1928.
Denikin A.I. (1928). Pokhod na Moskvu. Moskva.
8. Дон Аминадо // Писатели русского зарубежья (1918–1940): Справочник. М., 1993. Ч. I.
Don Aminado. In: Pisateli russkogo zarubezh'ya (1918-1940): Spravochnik. Ch. I. Moskva. 1993.
9. Лампе фон А.А. Пути верных. Париж, 1960.
Lampe fon A.A. (1960). Puti vernykh. Parizh.
10. Ларионов В. Последние юнкера. Предисловие Н. Росс // Посев. Париж, 1984.
Larionov V. (1984). Poslednie yunkera. Predislovie N. Ross. In: Posev. Parizh.
11. Оболенский В. Крым при Врангеле: Мемуары белогвардейца. М., 1928.
Obolenskii V. (1928). Krym pri Vrangele: Memuary belogvardeitsa. Moskva.
12. Осоргин М. Сивцев Вражек. М., 1990.
Osorgin M. (1990). Sivtsev Vrazhek. Moskva.
13. Писатели русского зарубежья: Справочник. М., 1995. Ч. III.
Pisateli russkogo zarubezh'ya: Spravochnik. Ch. III. Moskva, 1995.
14. Русские в Галлиполи. 1920–1921: Сборник статей, посвященный пребыванию 1-го Армейского корпуса Русской армии в Галлиполи. Берлин, 1923.
Russkie v Gallipoli. 1920–1921: Sbornik statei, posvyashchennyi prebyvaniyu 1-go Armeiskogo korpusa Russkoi armii v Gallipoli. Berlin, 1923.
15. Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. (Материалы к истории Белого движения) // Российский архив. М., 1997.
Rutyach N. (1997). Biograficheskii spravochnik vysshikh chinov Dobrovol'cheskoi armii i Vooruzhennykh Sil Yuga Rossii. (Materialy k istorii Belogo dvizheniya).. In: Rossiiskii arkhiv. Moskva, 1997.
16. Слэшчев-Крымский Я.А. Белый Крым. 1920. Мемуары и документы. Предисловие А.Г. Кавтарадзе. М., 1990.
Slashchev-Krymskii Ya.A. (1990). Belyi Krym. 1920. Memuary i dokumenty. Predislovie A.G. Kavtaradze. Moskva.
17. Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Париж, 1984.
Struve G.P. (1984). Russkaya literatura v izgnanii. Parizh.
18. Толстой А. // Писатели русского зарубежья (1918–1940): Справочник. Ч. 3.
Tolstoi A. In: Pisateli russkogo zarubezh'ya (1918–1940): Spravochnik. Ch. 3. Moskva, 1995.
19. Туроверов Н. Стихи. М., 1995.
Turoverov N. (1995). Stikhi. Moskva.
20. Чириков Е. Зверь из бездны: Поэма страшных лет. Прага, 1926.
Chirikov E. (1926). Zver' iz bezdny: Poema strashnykh let. Praga.
21. Шмелев И. Солнце мертвых: Эпопея. Париж, 1926.
Shmelev I. (1926). Solntse mertvykh: Epopeya. Parizh.
22. Шульгин В.В. Дни. 1920. М., 1989.
Shul'gin V.V. (1989). Dni. 1920. Moskva.
23. Spassibo. Альманах «На Прощание». Стамбул, 1923.
Spassibo. Al'manakh «Na Proshchanie». Stambul, 1923.

¹ Spassibo. Альманах «На Прощание». Стамбул, 1923. С. 4.